

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-71
EDN PXMEBN

**Лирические образы самовосприятия русской эмиграции
в Китае 20-40-х гг. XX в.**

Анна Анатольевна Забияко^{1✉}, Лю Ши²

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры, главный научный сотрудник Лаборатории фронтирных исследований, Амурский государственный университет, г. Благовещенск.

²Аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры, г. Благовещенск

¹a.a.scincia@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²228349909@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-8155-3421>

Аннотация. Исследуя образ самовосприятия в лирике дальневосточной эмиграции, авторы обращаются к этническому компоненту понятия «эмигрант» как концептуально значимому для русской лингвокультуры и определяющему социально-политические смыслы. Дальневосточное порубежье – пространство скрещения исторических и политических судеб России и Китая, русских и китайских этнокультурных и этнорелигиозных традиций, сложнейших этносоциальных процессов и т. д. – основа специфики самовосприятия дальневосточных беженцев. Китай стал лишь временным полустанком на дороге русского рассеяния и пути самопознания русских эмигрантов. На материале стихотворений Н. Алла и М. Спургота авторы исследуют концептуальные основания и типологические черты самовосприятия старших и младших лириков-эмигрантов. Характерно, что к теме самовосприятия из старших поэтов обращалась лишь половина – воспоминания о пережитых страданиях, потерях и разочарованиях не стимулировали стремления к саморефлексии. Образ «русского беженца», «бродяги», «калики перехожего», изгнанного родной матерью-Родиной, доминирует в самовосприятии старших лириков. Этот образ амбивалентен – наделен чертами «живого мертвеца», оборотня, «призрака», «тени». Он весь – в прошлом, окружающие реалии Маньчжурии для него – лишь повод для мнемонической аберрации. В лирике младшего поколения тема самовосприятия становится еще менее востребованной – молодежь ищет возможности обрести социальную стабильность и будущее в стремительно меняющейся реальности, идеалы «отцов» для нее – лишь миф. На смену «беженцу» и «изгою» приходит образ «русского художника», «не лишённого иностранных черт». Его временной континуум лишен памяти о прошлом Родины, одновременно и мыслей о будущем. Несмотря на «сиротство» и «тоску», этот художник обретает «ласковую мачеху» – Китай. Бипатриотизм сознания не меша-

---

© Забияко А. А., Лю Ши, 2024

ет его готовности нести дальше по свету русскую культуру, русский язык, русскую литературу.

Ключевые слова: художественный образ самовосприятия; дальневосточная эмиграция; порубежье; Россия; Китай; этничность; бипатриотизм; стихопоэтика

Исследование поддержано Программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках лаборатории под руководством молодых исследователей. Проект № FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6

Для цитирования: Забияко А. А., Лю Ши Лирические образы самовосприятия русской эмиграции в Китае 20-40-х гг. XX в. // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 71-86. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-71>. <https://elibrary.ru/PXMEBN>.

Original article

Lyrical self-perception images of the Russian emigration in China in the 20-40s of the XX century

Anna A. Zabyako¹✉, Liu Shi²

¹Doctor of philology, professor, Head of the department of literature and world arts, chief researcher at the laboratory of frontier studies, Amur State University, Blagoveshchensk.

²Post-graduate student at the department of literature and world arts, Blagoveshchensk.

¹a.a.sciencia@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²228349909@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-8155-3421>

Abstract. Investigating the image of self-perception in the poetry of the Far Eastern emigration, the authors address the ethnic component of the concept "emigrant" as conceptually significant for the Russian linguistic culture and determining socio-political meanings. The Far Eastern borderland is the intersection of historical and political destinies of Russia and China, of Russian and Chinese ethno-cultural and ethno-religious traditions, of the most complex ethno-social processes etc.; this space is the basis for the specificity of Far Eastern refugees' self-perception. China became only a temporary halfway station on the road of Russian dissipation and on the path of Russian emigrants' self-discovery. Analyzing the poems by N. Alla and M. Spurgot, the authors study conceptual foundations and typological features of self-perception in older and younger emigrant lyric poets. Notably, only half of the older poets turned to the theme of self-perception as the memories of suffering, losses and disappointments did not stimulate the desire for self-reflection. The image of a "Russian refugee", "vagabond", "pilgrim/wanderer", banished by his native Motherland, dominates the self-perception of the older poets. This image is ambivalent, having the features of a "living dead man", a werewolf, a "ghost", a "shadow". Everything is in the past, and the surrounding realities of Manchuria are just an excuse for a mnemonic aberration. The theme of self-perception becomes even less popular in the poetry of the younger generation as young people are seeking social stability and their future in a rapidly changing reality, and their "fathers'" ideals are just a myth for them. The "refugee" and "outcast" are replaced by the image of a "Russian artist", "not devoid of foreign features". Their time continuum is devoid both of memory about their motherland's past and of thoughts about the future. Despite

the “orphanhood” and “longing”, this artist finds a “tender stepmother” – China. The bipatriotism of the mind does not contradict the artist's willingness to spread Russian culture, the Russian language, and Russian literature in the world.

Keywords: artistic image of self-perception; Far Eastern emigration; borderland; Russia; China; ethnicity; bipatriotism; poetry

The research is supported by the Priority-2030 Strategic Academic Leadership Program, under the aegis of the Young Researchers' Laboratory. Project No. FZMU-2022-0008, reg. number 1022052600017-6

For citation: Zabayako A. A., Liu Shi Lyrical self-perception images of the Russian emigration in China in the 20-40s of the XX century. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 71-86. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-71>. <https://elibrary.ru/PXMEBN>.

Введение

Образ восприятия в литературе представляет художественную проекцию этнических, религиозных, политических и художественных фреймов воспринимающего сознания (автора и его окружения, этнической группы, к которой он принадлежит) по отношению к представителям инокультуры. В качестве воспринимаемых объектов (первообразов) выступают «чужие» пространственные и временные феномены, представления о святости, праведном и неправедном, этнические типы, культурные и литературные традиции и др. – в соотношении со «своими». Приемы создания художественного образа восприятия инокультуры определяются, в первую очередь, художественной интенциональностью, родо-жанровыми предпочтениями и стратегиями выражения авторской субъектности [Сенина, 2018].

Художественный образ самовосприятия представляет вторую ступень имагологического процесса: в его основе лежит обратная по-

следовательность работы воспринимающего сознания: автор (авторы), вступающие в диалог с инокультурой, через постижение «чужого» переходят к художественному самопознанию.

Проблема данного исследования заключается в том, что оно направлено на постижение специфики образа самовосприятия в литературе *эмигрантов и эмиграции*. *Эмигрант* в русской лингвокультуре и этнической картине мира – это, в первую очередь, категория социально-политическая [Даль, 1882]. Однако, когда речь заходит о формировании – еще со времен Ивана Грозного – в русском этническом сознании представлений об эмиграции, то становится ясно: политический компонент в концепте «эмигрант» всегда тесно сопряжен с этнической составляющей, и зачастую последняя выходит на первый план. *Родина, родственная кровь, родные места и родная вера* – это те базовые категории, что характеризуют русское понимание этничности. *Эмигрант* в русском

этническом сознании вплоть до второй половины XX в. – тот, кто добровольно либо насильно покинул свое Отечество (родину), утратил связь с *родным народом, с родными местами, свою родной верой*.

Мы намеренно ограничили рамки своего исследования лирикой дальневосточных эмигрантов: во-первых, что именно лирика русского Китая определяет развитие литературного процесса в дальневосточном зарубежье (А. А. Забияко); во-вторых, краткая форма стихотворения как «сложнопостроенного смысла» (Ю. М. Лотман) в сгущенной и зачастую афористической форме позволяет максимально емко выразить концептуальные установки его автора, и образ самовосприятия – не исключение [Забияко, 2007а].

Вся эмигрантская лирика может быть весьма широко обозначена как образ самовосприятия – если подразумевать под высказыванием лирического субъекта способ выражения авторского «я» (Б. О. Корман). Тематическим интегратором в данном случае становятся определенные параметры *идейно-образной* структуры стихотворения, содержащие социальные, политические и этнические смыслы, включенные в понятие «эмигрант». Исходя из концепции М. Л. Гаспарова, *тема стихотворения* – это парадигматическое целое составляющих текст именных частей речи, а *мотивы* – парадигматическое единство глаголов и глагольных слов. Потому рамки исследования определяются стихотворениями, в которых образ самовосприятия эми-

гранта становится ведущей темой. Этот субъект размышляет о своей эмигрантской участи и соотносит свою судьбу с судьбой своего поколения таких же, как он, эмигрантов, выражая это словами-операторами на мотивном уровне – глаголами и глагольными конструкциями, определяющими действия, состояния и побуждения лирического субъекта-эмигранта.

Поэтому в данной работе мы, в первую очередь, обращаем внимание на тексты, где идейно-образный континуум понятия «эмигрант» как образа самовосприятия (и коннотаций образа самовосприятия – беженец, изгнанник, бродяга и т. д.) мотивно реализуется в оппозициях «свое/чужое», «жизнь/смерть», «отчизна/ чужбина», «эмиграция/метрополия», «Россия/ Китай», «прошлое/ настоящее» [Frontier as an artistic concept, 2021, p. 1175].

Методологию исследования составляет лексико-семантический метод в тесном сопряжении со структурно-семантическим и статистическим; историко-генетический, культурно-исторический, биографический подходы.

Результаты исследования

Нами были проанализирована наиболее репрезентативное собрание лирических текстов, составляющих антологию «Русская поэзия Китая» – около 500 стихотворений 52 дальневосточных авторов (если даже фактически не эмигрантов, то составивших славу эмигрантской лирике) [Русская поэзия Китая,

2001, 720 с.]. 16 – поэты старшей генерации, соответственно, 36 – молодежь. Из собранных в антологии текстов, по нашим наблюдениям, воплощению образа самовосприятия посвящен 81 текст 25 поэтов. Из поэтов старшего поколения на данную тему писали всего 8, соответственно – 17 авторов принадлежит к младшей генерации. При этом поэтами старшего поколения написано 44 текста, 37 – молодыми поэтами.

В данной статье мы останавливаемся на анализе 2 стихотворений представителей двух поколений дальневосточных лириков, на наш взгляд, весьма убедительно демонстрирующих развитие образа самовосприятия в художественном сознании эмигрантов на протяжении 20 лет.

«Харбинская нота» литературы дальневосточной эмиграции, как известно, берет свое начало сразу после окончания Гражданской войны [Забияко, 2008]. Несмотря на то, что саморефлексия состояния эмиграции и себя в качестве эмигрантов – активно развиваемая старшими лириками тема – половина из поэтов этой генерации к ней практически не обращалась. Очевидно, в силу своей острой социально-политической направленности тема эмиграции представлялась белопоходникам, пережившим ужасы Гражданской войны и практически потерявшими все: родных и близких, родной дом, состояние, страну, – весьма травматичной, болезненной.

Только 8 поэтов – Николай Алл (189?–1966), Алексей Ачаир (1896–

1960), Арсений Несмелов (1889–1945), Марианна Колосова (1903–1964), Таисия Баженова (? – 1978) и Евгений Яшнов (1881–1943), на основании антологии В. Крейда, оставили в своем творчестве поэтические признания о себе как эмигрантах и о своей эмигранткой судьбе. Почти все они после трагического окончания Ледяного похода и краха «белой идеи» первоначально собрались в Харбине – этом «полустанке» в прямом и переносном смысле: центральной станции КВЖД и определенном пространственно-временном этапе в их дальнейшем самоопределении, городе, сохранявшем многие черты российского дореволюционного быта и до середины 20-х гг. – российского городского управления [Аблова, 2005].

Помимо социокультурной общности (возрастной, образовательной, политической – однозначно отрицательного отношения к Октябрьскому перевороту и исповедования «белой идеи»), этих авторов мало что объединяло – литературной среды в начале 20-х гг. в Харбине еще не сложилось, каждый являл собой яркую личность со сложным предэмигрантским опытом, имел свое понимание исторической и правовой ситуации.

Безусловно, были точки соприкосновения. Между отдельными поэтами до приезда в Харбин сложились дружеские отношения – в Омске пересекались пути А. Несмелова, А. Ачаира, Т. Баженовой [Забияко, 2005; Якимова, 2008]. Еще во Владивостоке

во время работы в городских и оккупационных изданиях душевно сблизилась Арсения Несмелов и Леонид Ещин [Витковский, 2005; Лобычев, 2003]. Алексея Ачаира и Марианну Колосову уже в Харбине объединило общее сибирское прошлое [Забияко, 2008]; Александра Паркау вдохновила Ачаира на создание литературно-художественного объединения [Забияко, 2008]; Евгений Яшнов после образования «Чураевки» под руководством А. Ачаира стал постоянным ее членом. Но больше среди них было разногласий, чем единства – известно, что Несмелов едко высмеивал Колосову, Паркау и Ачаира; Колосова при удобном случае критиковала Несмелова.

В целом, упрекнуть старших харбинских лириков в заимствованиях друг у друга или подражании мы не имеем оснований. Тем интереснее проанализировать типологию их самовосприятия как эмигрантов в художественных образах и соотношения этого идейно-образного комплекса с индивидуальными лирическими коннотациями.

*Я выпил стакан эмигрантской отравы,
Я высушил сердце в ненужных боях.*

[Алл, 1923]

Длинные строки четырехстопного амфибрахия придают стихотворению характер величественного раздумья, одновременно сближая высказывание с торжественным речеизъявлением в прозе. И это неслучайно – распевный характер

Очевидно, что вынужденное самоопределение своей юрисдикции после принятия Декрета 1921 г. Советским правительством стало для старшего поколения новоиспеченных харбинцев тяжелым выбором [Ленин, 1944]. Нужно было либо определять себя эмигрантом, либо просить советский паспорт, либо принимать китайское подданство. И, как ни странно, первыми на эти трагические обстоятельства отреагировали поэты.

Уже 1923 г. в харбинской печати выходит сборник стихов Николая Алла с характерным названием – «Ектеня. Стихи о России» [Алл, 1923].

Николай Алл (наст. Дворжецкий) был кадровым офицером, прекрасно образованным (с двумя военными училищами) участвовал в Первой Мировой и Гражданской войне. В Харбине он оказался в 1920 г. – сразу после окончания Ледяного похода.

«Ектеня» в православном богослужении – молитвенное прошение, одна из главных составных частей службы.

Сборник начинался лирическим самопризнанием:

стихов должен был настроить читателя на высокий молитвенный лад заупокойной ектеньи по самому себе и своему прошлому. В данном стихотворении весьма четко, хотя и в метафорической форме, обозначено отношение лирического субъек-

екта к своему жребии: это «эмигрантская *отрава*», то есть смертельный яд самоопределения в изгнания. Стакан этой «отравы» также решительно, как стакан спирта, выпивает бывший боевой офицер.

Параллелизм первых двух строк можно понимать двояко: как инверсию причинно-следственных связей («выпил стакан эмигрантской отравы» – потому что «высушил сердце в

ненужных боях») либо как некую констатацию полной атрофии чувств: «выпил отравы», но ничего не почувствовал – оттого что «высушил сердце». В любом случае – возникает образ человека, который после всего с ним совершившегося – просто живой мертвец. Что ждет его после выпитой *отравы*? Только небытие и забвение. Жизнь осталась «там» – на Родине:

*А там все другое – и птицы, и люди, и травы,
Там, в наших родных и далеких краях.*

Ясно определена оппозиция «отчизна/чужбина», «свое/чужое»:

*А здесь, на чужбине, все скучны и странны:
Я им непонятен, они мне чужды...*

[Русская поэзия Китая ... , 2001]

При этом лирический герой Алла еще не теряет веры в то, скоро утихнет братоубийственная вражда

между русскими людьми, посеянная революцией:

*Я знаю, что скоро затянутся раны
Слепой, безрассудной и тяжелой вражды.*

[Алл, 1923]

В том же сборнике лирический герой Н. Алла уточнит свое самоощущение изгнанника. Лирическое самовосприятия героя-эмигранта, в первую очередь, выразит чередование 4Ям с 3Яж. Этот ритм создает

эффект эмоционального «качания на волнах» (восклицания и безнадежного взмаха рукой), подчеркивает фрустрацию лирического субъекта:

Что я могу еще сказать –
оторванный, забытый...
Туман невзгод в моих глазах –
они еще открыты.
Кто шепчет мне о прошлых днях
среди бессонной ночи,
Ах, кто преследует меня,
кто нож о сердце точит!..

[Русская поэзия Китая ... , 2001]

Причастие «оторванный» в своей семантической основе обозначает «отделенный рывком (от чего-то целого)», «отстраненный от чего-то», «разлученный с кем-то, чем-то» [Ожегов, 1988, с. 409]; прилагательное «забытый» восходит к устаревшей основе «преданный забвению», «память о ком похоронили» [Ожегов, 1988, с. 107]. Ассоциативно синонимическая цепочка эпитетов-самохарактеристик создает лирический образ человека, силой оторванного (от родных мест, семьи, Родины как целого), забытого (родными, семьей, любимым человеком). Он находится на последнем издыхании – «туман невзгод в моих глазах – / Они еще открыты» [Алл, 1923]. Шепчущий, преследующий по ночам фантом – его память, его ностальгия.

Стихотворения Н. Алла можно назвать своеобразной матрицей (инвариантами) последующего развития поэтами старшего поколения темы самовосприятия эмиграции в ее концептуальной соотнесенности с ключевыми идеями, выражающими отношение к историческим реалиям, заложниками которых становятся русские изгнанники.

Развитие этой темы на протяжении «четверти века беженской судьбы» (А. Несмелов) *характеризуется типологически близкими чертами:*

1. Самохарактеристики лирического субъекта: *беженец* (М. Колосова, Л. Ещин), *изгнанник, бродяга, путник* (А. Несмелов), *калика переходжий* (Л. Ещин) – то есть человек,

лишенный родного дома, крова, родных, Родины.

2. Мотивный комплекс, развивающий лирическую сюжеттику – парадигма глаголов и глагольных слов, образующих несколько семантических сфер: *оторванности, забытости* (Н. Алл), *скитальчества, бездомности, бесприютности* («нас Родина выгнала», «скитаюсь по Азии древней» – А. Ачаир), *умирания* («выпил стакан отравы, высушил сердце» – Н. Алл); если не умирания, то *стагнации, угасания, обездвиженности, псевдожизни* («живу, наблюдая, / а жизнь настоящая дремлет» – А. Ачаир); *унынья, осознания ничемности, страданья* («гнев на убивших и детство, и молодость»; «брести без сил, в слезах» – Л. Ещин); «среди крови гаснет молодость»; «были, жили, и куда-то все ушли»; «в тупик глухой заведены»; «немало нас, плетущихся во тьму» – М. Колосова); *сознательного забвения прошлого* («сожжем о прошлом память»; «тебя никто не кличет, потеряла к прошлому пути» – М. Колосова); *сумасшедшего настоящего* («бегут сумасшедшие годы» – Е. Яшнов).

3. Поступательное развитие в лирическом сюжете «ролевых» образов самовосприятия религиозного наполнения: *калики переходжего* (Л. Ещин), *девы-воительницы, кликуши* (М. Колосова), *странствующего рыцаря* (А. Ачаира) [Забияко, 2016].

4. Мифологическое восприятие эмиграции как *рубежа* между про-

шлой настоящей жизнью на Родине / молодостью и – смертью / инобытием / посмертным существованием, рождающее образы *живого мертвеца, волчицы-оборотня, призрака, тени, «анаглифа»* (Н. Алл, Л. Ещин, А. Несмелов, М. Колосова).

5. Многозначное осмысление образа *родины*, объединяющего поэтов-эмигрантов, концептуальном ядре «родных мест» – от географических определенных топосов до расширительного образа матери, Русской земли.

6. Художественная корреляция образа Родины с образом чуждальной *стороны/чужбины/того света*, характеризующейся семантической группой понятий с концептуальным ядром *чужое / неживое*.

7. Появление мессианского начала в осмыслении себя как представителей старшего поколения, усиление роли «мы»-высказывания (А. Ачаир, А. Несмелов, М. Колосова).

Так или иначе, все перечисленные особенности в выражении образа самовосприятия «старшими» поэтами эмиграции отражают развитие этнокультурного, социально-политического, историко-литературного процессов в дальневосточном зарубежье и, разумеется, принимают в творчестве каждого индивидуализированные формы [Забияко, 2016].

Образ самовосприятия в лирике поэтов «молодой генерации»

К группе молодых поэтов мы относим тех, кто родился на рубеже

веков и с родителями приехал в Харбин подростком; кто родился в России в преддверии Первой Мировой войны и привезен младенцем; и тех, кто родился уже в Харбине (дети железнодорожников и других служащих). Практически половина из них не обращалась в своем творчестве к образу самовосприятия как эмигранта – а среди них были весьма активные в литературном быте, много пишущие: Георгий Гранин, Ларисса Андерсен, Наталия Резникова и многие другие.

Ведущую интонацию в саморефлексии своего эмигрантского состояния задавала плеяда поэтов, рожденных в 10-е гг. XX в.: (Н. Светлов, 1908 г. р., Сибирь); Н. Петерц (предп. 1908 г. р., ?); Г. Сатовский-младший (1909 г. р., Петербург), М. Шмейссер (1909 г. р., Новониколаевск); Н. Ильнек (1910 г. р., Харбин?); Н. Щеголев (1910 г. р.); С. Сергин (1910 г. р., Харбин), Л. Хаиндрова (1910 г. р., Одесса); Э. Трахтенберг (предп. 1910 – 1912 гг., ?); Е. Недельская (1912 г. р., Ярославль); В. Перелешин (1913 г. р.); М. Волин (1914 г. р.). 13 поэтов, большая часть которых входила в объединение «Чураевка» [Забияко, 2006], а затем некоторые из бывших чураевцев объединились в Шанхае под эгидой кружка «Пятница» [Кузнецова, 2019, с. 148]. Согласно Антологии В. Крейда, наиболее активно рефлектирующими над эмигрантской судьбой были Николай Светлов (5 стихотворений), Николай

Щеголев (4 стихотворения), Лидия Хаиндрова (7 стихотворений) и Валерий Перелешин (7 стихотворений).

Однако, если в качестве идейно-образного инварианта лирической саморефлексии старшего поколения эмигрантов мы рассматривали стихотворение Н. Алла, то в лирике молодой генерации – медитативную зарисовку Михаила Спургота (1901–1993), жившего в Китае с 14 лет, участвовавшего в Гражданской войне, затем в 1921 году вновь поселившегося в Харбине. В 1929 г. Михаил Спургот переезжает из Харбина в Шанхай [Русская поэзия Китая, 2001, с. 697], там публикует сборник «Желтая дама» (1931) [Эфендиева, 2011, с. 75]. Очевидно, что его самоощущение как эмигранта сформировалось именно в

Харбине в течение дореволюционных лет и тех 8 лет после 1921 года.

Михаил Спургот (успевший до революции пожить в Петербурге и Одессе, в Китае, побывать в Париже) был прекрасно образован и начитан. Стихотворение «Сижу с китайцами в харчевнях...» представляет собой ритмическую и идейно-образную аллюзию на вторую часть лермонтовской Родины – той, где лирический герой признается в своей причастности к России не-парадной, не воспетой в сказаниях и исторических хрониках (*ни слава, купленная кровью; ни темной старины заветные преданья / не шевелят во мне отрадного мечтанья*) [Лермонтов, 2004]. Лирическому герою Лермонтова близка Россия с ее немудреной жизнью русского крестьянина:

*Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков*

[Лермонтов, 2004, с. 20–21].

Лирический герой Лермонтова открывает своему читателю истинную, посконную Россию, которую до него не принято было не то чтобы любить – изображать [Ломинадзе,

1985, с. 28]: это *дымок спаленной жнивы; в степи ночующий обоз; желтая нива; чета белеющих берез; полное гумно; изба, покрытая соломой; с резными ставнями окно;*

пляска с гомоном и свистом; говор пьяных мужичков. Не случайно первая часть, написанная неспешным элегическим 6-стопным ямбом, сменяется второй с бодрым 4Я ЖМЖМ.

Переключку с М. Лермонтовым М. Спургот начинает именно со второй части прославленного стихотворения. Только его лирический герой открывает нам уже не Россию, а «посконный» – простонародный – Китай, насквозь пропитанный древней традицией. Его любовь к такому (опрощенному) Китаю и китайскому быту пронизана «странной радостью» (перифраз элегической лермонтовской

«странной любви»). Герой М. Спургота сидит «в харчевнях», пьет «ханшин» (дешевую водку, точнее – самогон), и, «жадно впитывая соки / культуры чуждой <мне> страны», ведет с подвыпившими китайцами «бесед несложных ряд». А «пляску с топотом и свистом» ему заменяют «мудрые песни Лао-Цзы». Такова реальность, реальность эмигранта, с которой лирический герой, наследующий и русскую литературную традицию, и присущий русским демократизм, но открытый культуре «чуждой страны», сживается:

*Сижу с китайцами в харчевнях,
Ведя бесед несложных ряд,
И странной радостью напоен
Мой каждый в быт Китая взгляд!*

*И, жадно впитывая соки
Культуры чуждой мне страны,
Я знаю, что подходят сроки
Тоскою вздыбленной весны!..*

*Горячий ханшин чуть туманит
Мозг, обожженный жаром слов,
И тихо плавают в тумане
Виденья чудищ и богов.*

*И сердце вдруг вздымает бурно,
Как от тайфуна иль грозы,
Один лишь мысли всплеск лазурный
Из мудрых песен Лао-цзы!..
(«Сижу с китайцами в харчевнях...»)*

[Спургот, 1931, с. 27].

В стихотворении отражена органическая встроенность лирического героя в русскую литературную традицию, ее метапоэтическая рецепция, ее метапоэтическая рецепция.

ция и рецепция чужой (китайской) литературной традиции (Лермонтов/Лао Цзы) [Сенина, 2018, с. 145–153]. Но, что более значимо, лирический герой М. Спургота осознает и свою органическую причастность к Китаю, несмотря на испытываемую «странную радость» от этого факта. Единственное, что «выдает» истинные чувства его героя-эмигранта – это ожидания «тоскою вздыбленной весны». Можно додумать, что весной особенно остро просыпается ностальгия героя – *тоска* по Родине.

Несмотря на то, что Михаил Спургот не был духовным лидером поэтической молодежи, именно он первым сумел аккумулировать и выразить основные тенденции лирического самосознания этой генерации поэтов-эмигрантов, выделить концептуальные основы развития лирического самовосприятия дальневосточной эмиграции.

Для молодого поколения, выросшего либо родившегося в эмиграции, статус эмигранта был не только психологически более привычен, но и понятен с точки зрения жизненной практики. Молодежи необходимо было примениться к тем реалиям, в которых она жила: с 1924 года изменение правового статуса КВЖД, переход ее в китайское управление; с 1931 г. начало японской оккупации Маньчжурии; понимание того, что в Харбине будет очень трудно выстроить будущее и, скорее всего, придется искать себе

счастье либо в Шанхае, либо за пределами Китая.

Опору своей русскости эмигрантская молодежь будет искать уже не в прошлом России, а в русской литературе. Характерно и другое наблюдение – образ Китая в творчестве молодых поэтов, тех, кто исследует свой эмигрантский удел в лирической форме – все чаще обретает черты не чуждого пространства, а «милых сердцу мест», а затем и второй Родины, отражая бипатриотическую настроенность дальневосточной молодой поросли [Русский Харбин ... , 2015, с. 3–14]. Несмотря на то, что *тоска* и ее синонимы – ключевые образы самоощущения молодого поколения, эта *тоска* всегда коррелирует с действенным желанием утвердить свою русскость и причастность своим уникальным фронтальным координатам.

Образ самовосприятия в лирике молодых обретает новые коннотации: появляются образы «русского художника, не лишённого иностранных черт» (Н. Щеголев), «женуха, обрученного Китаю» (В. Перелешина), «чудака захудалого и странного», мотивный уровень, связанный с сиротством и прозябанием.

Кроме того, часть молодых людей, вообще не знающих реалий жизни в СССР, но наблюдающих усиление диктата со стороны японских властей, все чаще обращала взоры на родину своих предков, создавая в своем художественном воображении ее мифологизированный образ (Н. Щеголев, Ю. Кру-

зенштерн-Петерец и др.) [Забияко, 2023]. В лирике отдельных представителей молодого поколения в середине 40-х гг. появляется патриотический пафос (Ю. В. Крузенштерн-Петерец, Н. Петерец, Н. Щеголев и др.).

Выводы

Общие для представителей всех эмигрантских центров проблемы самоопределения и самовосприятия в дальневосточной части рассеяния получают уникальное воплощение. Дальневосточное порубежье – пространство скрещения исторических и политических судеб России и Китая, русских и китайских этнокультурных и этнорелигиозных традиций и т. д., сложнейших этносоциальных процессов, протекающих в то время в Северной Маньчжурии – придает динамический импульс развитию образа самовосприятия дальневосточных беженцев. Это в концептуальной форме запечатлевает лирика восточной ветви. Образ «русского беженца», «бродяги», «изгнанника», «калики перехоже-

го», изгнанного родной матерью-Родиной, доминирует в самовосприятии старших лириков (А. Ачаира, А. Несмелова, Л. Ещина, М. Колосовой). Этот образ амбивалентен – наделен чертами «живого мертвеца», оборотня, «призрака», «тени». Он весь – в прошлом, и окружающие реалии Маньчжурии для него – лишь повод для мнемонической аберрации, возможности вспомнить родные места. В лирике младшего поколения на смену «беженцу» и «изгою» приходит образ «русского художника», свято хранящего те заветы, что были подарены предками и родной литературой. Его временной континуум – лишен памяти о прошлом Родины, одновременно и мыслей о будущем. Несмотря на «сиротство» и «тоску», этот художник обретает «ласковую мачеху» – Китай. Бипатриотизм сознания не мешает его готовности нести дальше по свету русскую культуру, русский язык, русскую литературу.

Библиографический список

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). Москва : Русская панорама, 2004. 432 с.
2. Алл Н. Ектенья. Стихи о России. Харбин, 1923. 30 с.
3. Витковский Е. Спи спокойно, кротчайший Ленька! // Ещин Л. Е. Собрание стихотворений. Москва : Водолей Publishers, 2005. С. 66.
4. Витковский Е. Формула бессмертия // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1. Владивосток : Рубеж, 2006. С. 10.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва : СПб, 1882. Т. 4. Р–V. С. 685.

6. Забияко А. А. Дело о «Чураевском питомнике»: (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 170–186.
7. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина : монография. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 437 с.
8. Забияко А. А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск : Изд-во Амурского государственного университета, 2007б. 250 с.
9. Забияко А. А. «Китеж, воскресающий без нас...»: образ Родины в лирике дальневосточной эмиграции / А. А. Забияко, Фэн Ишань // Русская словесность. 2023. № 4. С. 58-70.
10. Забияко А. А. «Четверть века беженской судьбы...»: художеств. Мир лирики русского Харбина / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2008. 428 с.
11. Кузнецова О. Ф. «Я оказался в этом сером и неинтересном городе...»: из шанхайских писем Валерия Перелешина матери, 1943–1946 // Литературный факт. 2019. № 4. С. 145–179.
12. Ленин В. И. Статья № 437. Декрет Совета Народных Комиссаров. О принятии иностранцев в Российское гражданство // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. Москва, 1944. С. 743–744.
13. Лермонтов М. Ю. Родина // Стихотворения. Москва : Астрель : АСТ, 2004. С. 20–21.
14. Лобычев А. Китеж русской поэзии на Востоке // Рубеж. 2003. № 4. С. 367–374.
15. Ломинадзе С. В. Поэтический мир Лермонтова. Москва : Современник, 1985. 44 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 18 / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : Русский язык, 1988. 796 с.
17. Русская поэзия Китая: Антология / сост. В. Крейд, О. Бакич. Научный редактор Е. Витковский. Москва : Время, 2001. 720 с.
18. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А. П. Забияко. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
19. Сенина Е. В. Металитературная рефлексия китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 145–153.
20. Советский энциклопедический словарь. Москва : Советская энциклопедия, 1989. С. 1570, 1 ст.
21. Спургот М. Желтая дама. Шанхай : Заря, 1931. 63 с.
22. Эфендиева Г. В. Проблема этнической идентификации поэтов-эмигрантов русского Харбина // Русский язык за рубежом. 2011. № 1. С. 72–78.
23. Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2005. 111 с.
24. Frontier as an artistic concept / А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Фэн Ишань, Чжоу Синьюй, Лю Ши // The European Proceedings of Social & Behavioural Scienc-

es, 2021. Vol. 102. P. 1175. URL: <https://www.europeanproceedings.com/>. (Дата обращения: 31.01.2024).

Reference list

1. Ablova N. E. KVZhD i rossijskaja jemigracija v Kitae. Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaja polovina XX v.) = Chinese Eastern Railway and Russian emigration in China. International and political aspects of history (first half of the XX century). Moskva : Russkaja panorama, 2004. 432 s.
2. All N. Ekten'ja. Stihi o Rossii = Poems about Russia. Harbin, 1923. 30 s.
3. Vitkovskij E. Spi spokojno, krotchajshij Len'ka! = Sleep well, the meekest Lyonka! // Eshhin L. E. Sobranie stihotvorenij. Moskva, 2005. S. 66.
4. Vitkovskij E. Formula bessmertija = The immortality formula // Nesmelov A. Sobranie sochinenij. T. 1. Vladivostok : Rubezh, 2006. S. 10.
5. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka = Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moskva : SPb, 1882. T. 4. R–V. S. 685.
6. Zabijako A. A. Delo o «Churaevskom pitomnike»: (novye shtrihi k izvestnoj istorii harbinskogo pojeticheskogo ob#edinenija) = The Case of “Churayevsky Nursery”: (new touches to the well-known story of the Harbin poetry association) // Problemy Dal'nego Vostoka. 2006. № 6. S. 170–186.
7. Zabijako A. A. Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Harbina = The Far Eastern frontier mentality: the culture and literature of Russian Harbin : monografija. Novosibirsk : Izd-vo Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2016. 437 s.
8. Zabijako A. A. Tropa sud'by Alekseja Achaira = Alexey Achair's path of destiny. Blagoveshhensk : Izd-vo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007b. 250 s.
9. Zabijako A. A. «Kitez, voskresajushij bez nas...»: obraz Rodiny v lirike dal'nevostochnoj jemigracii = “Kitez, resurrecting without us...”: the image of the Motherland in the poetry of Far Eastern emigration / A. A. Zabijako, Fjen Ishan' // Russkaja slovesnost'. 2023. № 4. S. 58-70.
10. Zabijako A. A. «Chetvert' veka bezhenskoj sud'by...»: hudozhestv. Mir liriki russkogo Harbina = “A quarter of a century of refugee destiny...”: art. The World of Russian Harbin's Lyrical poetry / A. A. Zabijako, G. V. Jefendieva. Blagoveshhensk : Amurskij gos. un-t, 2008. 428 s.
11. Kuznecova O. F. «Ja okazalsja v jetom serom i neinteresnom gorode...»: iz shanhajskih pisem Valerija Pereleshina materi, 1943–1946 = “I found myself in this gray and uninteresting city...”: from Shanghai letters of Valery Pereleshin to his mother, 1943-1946// Literaturnyj fakt. 2019. № 4. S. 145–179.
12. Lenin V. I. Stat'ja № 437. Dekret Soveta Narodnyh Komissarov. O prinjatii inostrancev v Rossijskoe grazhdanstvo = Article No. 437. Decree of the Council of People's Commissars. On the Admission of Foreigners to Russian Citizenship // Sobranie zakononij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. Moskva, 1944. S. 743–744.
13. Lermontov M. Ju. Rodina = Motherland // Stihotvorenija. Moskva : Astrel' : AST, 2004. S. 20–21.
14. Lobychev A. Kitez russkoj poezii na Vostoke = Kitez of Russian poetry in the East // Rubezh. 2003. № 4. S. 367–374.

15. Lominadze S. V. Pojeticheskij mir Lermontova = Lermontov's poetic world. Moskva : Sovremennik, 1985. 44 s.
16. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. = Dictionary of the Russian language. Izd. 18 / pod red. N. Ju. Shvedovoj. Moskva : Russkij jazyk, 1988. 796 s.
17. Russkaja poezija Kitaja: Antologija = Russian poetry in China: Anthology / sost. V. Krejd, O. Bakich. Nauchnyj redaktor E. Vitkovskij. Moskva : Vremja, 2001. 720 s.
18. Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v uslovijah dal'nevostochnogo frontiera = Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier / Pod red. A.P. Zabijako. Blagoveshensk : Amurskij gos. un-t, 2015. 462 s.
19. Senina E. V. Metaliteraturnaja refleksija kitajskoj kul'tury v tvorcestve dal'nevostochnyh jemigrantov = Meta-literary reflection of Chinese culture in the Far Eastern emigrants' work // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2018. № 1. S. 145–153.
20. Sovetskij jenciklopedicheskij slovar' = Soviet Encyclopedic Dictionary. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1989. S. 1570, 1 st.
21. Spurgot M. Zheltaja dama = Yellow lady. Shanhaj : Zarja, 1931. 63 s.
22. Jefendieva G. V. Problema jetniceskoj identifikacii pojetov-jemigrantov russkogo Harbina = The problem of ethnic identity of Russian Harbin emigrant poets // Russkij jazyk za rubezhom. 2011. № 1. S. 72–78.
23. Jakimova S. I. Literatura russkogo zarubezh'ja Dal'nego Vostoka = Literature of the Russian diaspora in the Far East. Habarovsk : Izd-vo Tihookean. gos. un-ta, 2005. 111 s.
24. Frontier as an artistic concept / A. A. Zabijako, Ja. V. Zinenko, Fjen Ishan', Chzhou Sin'juj, Lju Shi // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 2021. Vol. 102. P. 1175. URL: <https://www.europeanproceedings.com/>. (Data obrashhenija: 31.01.2024).

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.
The article was submitted on 25.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024